

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Создание системы университетского образования в России и Устав 1804 г.

В статье рассматривается вопрос, связанный с созданием в России в начале XIX в. системы университетского образования и принятием первого университетского Устава 1804 г.

Ключевые слова: система университетского образования, устав, император, министр народного просвещения, попечитель, ректор, декан, профессор, адъюнкт, магистр, студент, совет, университетский округ, автономия.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Creation of the University Education System in Russia and the Charter in 1804

In the article is regarded the question concerning the creation of the university education system in Russia in the beginning of the XIX century and approving of the first university Charter of 1804.

Keywords: the university education system, the charter, the emperor, the minister of national education, a trustee, a rector, a dean, a professor, a graduated in a military academy, a master, a student, a council, a university district, autonomy.

Система университетского образования в европейских странах сложилась значительно раньше, чем в России [1], однако уже в рамках первого столетнего юбилея российского университетского образования можно было сравнивать научные достижения российских и европейских профессоров в целом и профессоров-историков, в частности [2]. В чем причина столь стремительного взлета? Полноценный ответ на этот вопрос невозможен без подробного изучения культурно-исторической среды, формировавшей убеждения, взгляды, идеи, привычки сознания выдающихся отечественных историков, без освещения истории российских университетов, их правового статуса, учебно-методического пространства, атмосферы научного творчества, культуры межличностных отношений. В этом плане данная статья продолжает серию публикаций, начатую в предыдущем номере журнала [3].

Начало XIX в. в императорской России было ознаменовано созданием университетской системы образования. Ее планировали построить на принципах, единых для всего населения империи, без различия национальностей, вероисповеданий, сословий. В 1802–1803 гг. были открыты Дерптский (ныне Тартуский) и Виленский университеты, в 1804 г. появился Казанский университет, в 1805 г. – Харьковский (как и Виленский, созданный на базе гимназии), в 1816 г. распахнул свои двери Варшавский университет, в 1819 г. на

месте Главного педагогического института в столице Российской империи появился Петербургский университет [4], в 1834 г. – Киевский.

Если в эпоху «просвещенного абсолютизма» российские правители ограничивались декларациями и уверениями в своей приверженности университетскому образованию, то начало правления Александра I (1801–1825) ознаменовало собой уже переход от «заигрывания с либерализмом» к политике преобразований как в центральном управлении, так и в сфере просвещения [5].

Манифестом 8 сентября 1802 г. в России были созданы восемь министерств, в том числе и Министерство народного просвещения, предназначенное для «воспитания юношества и распространения наук» [6]. В специальном совете этого Министерства – в Комиссии об училищах, позднее переименованной в Главное правление училищ, разрабатывались проекты организации всех звеньев обучения (приходских и уездных училищ, губернских гимназий), но одной из важнейших задач Комиссии было учреждение университетов.

В ноябре 1804 г. был принят первый и общий для всех университетов устав – самый демократичный из четырех университетских уставов, созданных в XIX столетии. С 5 ноября 1804 г. по единому закону начали осуществлять свою деятельность Московский, Казанский университеты

и готовившийся принять первых студентов Харьковский университет. Утвержденные для них императором сразу три устава различались между собой лишь в некоторых статьях, что и позволяет говорить о появлении «общего» устава российских университетов, с которым были согласованы уставы Виленского и Дерптского университетов [7]. Вместе с тем в основание каждого из них в отдельности была положена мысль о том, чтобы предоставлять каждому университету возможность развиваться своеобразно, применительно к местным требованиям и особенностям существования [8].

В тот же день, 5 ноября 1804 г., появились уставы средних и низших учебных заведений, подведомственных университетам, которые отныне составляли единый комплекс образовательных учреждений российских губерний.

Юридической основой, определявшей статус высших заведений университетского типа, являлись университетские уставы, в которых получило отражение истинное положение университетов в системе народного образования. Каждый новый устав составлялся российским правительством по поручению правящего императора с тем, чтобы откорректировать цели и принципы функционирования университетской корпорации, претерпевавшие изменения по мере развития Российской империи, возникновения новых государственных и социальных потребностей.

Университетские уставы – это законы, конституции, определявшие механизмы организации их научной, учебной, административной деятельности, регулировавшие правовой статус преподавателей и студентов, учреждавшие формы контроля за выполнением возложенных на них государством обязанностей. Каждый устав имел свою специфику, соответствовавшую духу времени, общей направленностью заключенных в нем идей, целей и задач университетского образования. Вместе с тем, вне зависимости от того, были ли они составлены в атмосфере либеральных реформ или в периоды наступления реакции и контрреформ, их содержание свидетельствует о том, что подлинной целью университетского образования в России всегда оставалась подготовка дипломированных чиновников для правительственных служб, связанных с государственным управлением, правовой деятельностью, народным образованием и медициной. Образованность человека, как и провозглашавшееся в XVIII в. развитие науки, никогда не были для них главными целями существования, хотя иногда и дек-

ларировались официальными лицами в качестве главных направлений деятельности университетов [9].

Образцом государственно-правового регулирования деятельности университетов считается устав 1804 г., написанный для Московского университета, но получивший статус «общего» для всех аналогичных учебных заведений России, созданных к этому времени.

Университетский устав 1804 г. должен был стать ключевым звеном готовившихся при дворе Александра I грандиозных реформ, предназначенных не только для совершенствования сферы народного просвещения и затрагивавших весь государственный строй самодержавно-крепостнической России. Позиционируя себя приверженцем «просвещенного абсолютизма» екатерининской эпохи, новый российский император, обладавший незаурядным умом, провозгласил себя сторонником власти закона, обещал приоритет законности над волей монарха, гарантировал правовую защиту от произвола власти.

Задуманные им реформы должны были стать неизбежным продолжением политики Петра I и Екатерины II, направлявших Россию в «лоно европейской цивилизации». Они предназначались для решения многих первоочередных государственных проблем России. Для воплощения этих проектов был необходим слой хорошо образованных людей, готовых применить свою ученость на государственной службе, принося пользу Отечеству не только научными знаниями и энциклопедической образованностью, приобретенными в процессе обучения, но и добродетелью, ориентированной на преобразование реалий русской жизни в целом.

Считаясь с влиянием века Просвещения, Александр I покровительствовал наукам и искусствам, полагая, что они смогут не только преобразить отсталую Россию, но и склонить на его сторону ожидавших перемен передовых представителей дворянского сословия и образованной молодежи, готовых защищать либеральные идеи и прогрессивные реформы, инициированные мудрым правителем [10]. Таким образом, возлагая на университеты большие надежды, Александр I без колебаний санкционировал появление нового университетского устава, важнейшими и принципиальными характеристиками которого были провозглашавшаяся независимость от других государственных учреждений Российской империи и наделение университетов правами внутреннего самоуправления [11].

Университеты были поставлены под Высочайшее покровительство Его Императорского Величества (гл. I, § 2), под главное управление министра народного просвещения и поручались «особому ведению» попечителей учебных округов [12] как членов Главного правления училищ (гл. I, § 2). Власть попечителей состояла преимущественно в общем надзоре за соблюдением университетского устава и в обеспечении заботы о процветании университетов. Попечитель не вникал во все тонкости университетской администрации: он утверждал лишь наиболее важные постановления совета, не судил и не взыскивал за проступки лиц, подведомственных университету, и студентов. В то же время, имея право изучать ежемесячные рапорты и копии протоколов совета университета, а также проверяя полугодовые и годовые ведомости (гл. VI, § 70), попечитель был в курсе всех, даже самых мелких дел, свершавшихся в университете. Кроме того, ему вносилось на утверждение предварительно составленное расписание лекций в наступающем академическом году (гл. VI, § 66); он давал разрешение на сверхштатные издержки (гл. XIII, § 138) и наблюдал за правильностью использования этих сумм через посредство «непременного заседателя», назначавшегося в правление университета из ординарных профессоров (гл. I, § 5).

В России, где отсутствовали традиции регулирования отношений при помощи общественного мнения, не были оформлены конституционные основы, определявшие взаимоотношения государства и социума, защитить права и поддержать авторитет университета мог только его совет [13]. Главным органом власти университета, средоточием университетского самоуправления, действительно, был совет (гл. VI, § 48) с выборным ректором во главе (гл. II, § 13). Совет состоял из заслуженных и ординарных профессоров (гл. VI, § 47); помощники профессоров в учебной деятельности – адъюнкты (гл. IV, § 34) могли присутствовать на его заседаниях при обсуждении учебного процесса, но выборной властью они не обладали (гл. IV, § 35). Совет комплектовался на основах выборного начала, но с последующим утверждением его состава министром народного просвещения (гл. VI, § 61, 70). В свою очередь, совет избирал и ректора: сначала на один год (гл. II, § 13), а с 1809 г. – на трехлетний срок [14]. Ректор был обязан собирать совет ежемесячно (гл. VI, § 49–53), председательствовать в нем (гл. II, § 15, 16), быть хранителем большой университетской печати (гл. II, § 20),

являться главным представителем университетской корпорации (в системе других государственных учреждений), выполнять надзирающие функции за всеми подвластными ему управленческими структурами, учебными заведениями (гл. II, § 15, 19), за преподавателями и студентами, обязанными добросовестно исполнять устав, а также предписания министра и попечителя (гл. VI, § 70). В случае его болезни, смерти или отсутствия ректора, на его место заступал ближайший преемник в звании проректора, избранный советом (гл. II, § 23).

Права совета университета, являвшегося «высшей инстанцией по делам учебным и ... судебным» (гл. VI, § 48), были очень обширны. Он избирал ректора (гл. II, § 13), инспектора «казенных» студентов (гл. XI, § 115), профессоров, почетных членов, адъюнктов (гл. VI, § 54); назначал учителей в гимназии, а при согласовании с министром народного просвещения – директоров и смотрителей приходских и уездных училищ своего учебного округа (гл. XV, § 164, 168); определял порядок учебной жизни как университета (гл. VI, § 3), так и всех училищ и гимназий, ему подведомственных (гл. XV, § 163), следил за успехами их учебной деятельности, организуя ежегодные испытания (гл. VI, § 54. 4; гл. XI, § 118, гл. XV, § 168); контролировал деятельность университетских хозяйственных служб (гл. VI, § 49–53); являлся высшей инстанцией университетского суда (гл. XIV, § 156), который рассматривал конфликты между чиновниками и преподавателями, разбирал денежные иски, жалобы на оскорбление достоинства (гл. I, § 6; гл. XIV, § 147).

Совет не оставлял без внимания и вопросы научной жизни университетов. К примеру, он рассматривал необходимость открытия новых кафедр (гл. III, § 24, 25); раз в месяц проводил «особенные собрания», на которых профессора и почетные члены под руководством ректора рассуждали «о сочинениях, новых открытиях, опытах, наблюдениях и исследованиях» (гл. VI, § 55); раз в год, «следуя обряду, в иностранных университетах и академиях принятому», обсуждал проблему, вокруг которой сосредоточивалась исследовательская работа одного из четырех факультетов (гл. VI, § 56), и объявлял награду за решение задачи, «служащей к распространению наук», однако и размер вознаграждения, и сама задача утверждались министром народного просвещения (гл. VI, § 56; гл. IV, § 39). В качестве «особенного достоинства» университета устав под-

черкивал его право создавать ученые общества по русской и древней словесности, распространять опытные и точные науки, организовывать конкурсы, «печатать научные труды и периодические издания за свой счет, способствуя тем самым развитию наук» (гл. I, § 11).

Все дела в совете решались большинством голосов в процессе открытого голосования; баллотирование, то есть тайная подача голосов, практиковалось лишь при выборах и при назначении премий. Периодичность в работе совета, который заседал один раз в месяц (гл. VI, § 49–53), не позволяла ему заведовать всеми делами университетского правления – для них он представлял лишь высшую инстанцию, которой подчинялись низшие органы университетской администрации. Такими органами были: по части учебной деятельности – факультетские собрания (гл. VI, § 63–65), по вопросам, связанным с осуществлением судебной, полицейской, хозяйственной и финансовой функций, – правление (гл. I, § 5, 6; гл. XIII, § 136–138).

Первый орган – факультетское собрание – состоял из профессоров и адъюнктов под председательством старейшины, или декана, избиравшегося советом университета из ординарных профессоров (гл. III, § 27). Факультеты ведали распределением учебной нагрузки между преподавателями, организовывали переходные испытания для студентов. (гл. VI, § 64), в том числе и переводившихся из других отделений (гл. X, § 114), руководили процедурой защиты кандидатских, магистерских, докторских диссертаций (гл. VI, § 64. 2; гл. IX, § 96–108), удостоивали наградами лучшие работы студентов и преподавателей, определяли финансовые потребности факультета (гл. VI, § 64).

Правление университета состояло из ректора, деканов и ближайшего помощника ректора – «непременного заседателя», назначавшегося попечителем из ординарных профессоров (гл. I, § 5; гл. III, § 134). Финансовые функции правления включали распоряжение денежными средствами университета, заключение договоров и строительных подрядов (гл. XIII, § 138), ежегодное предоставление совету университета отчета о своей деятельности (гл. VI, § 49–53). Осуществляя текущее управление делами университета (гл. XIII, § 136), члены правления контролировали соблюдение установленных правил внутреннего распорядка, что предопределило наделение их функцией проведения судебных разбирательств и даже «расправы» над провинившимися

представителями «академического сословия» (гл. I, § 6). Жалобы, касавшиеся ректора, профессоров, адъюнктов и прочих служащих университета, как и разбор проступков студентов, рассматривались на собрании правления (гл. XIV, § 150, 153, 154), хотя могли получить и большую огласку, будучи направленными в суд, или в апелляционном порядке – в сенат (гл. VI, § 70).

Университет был снабжен обширной гражданской и уголовной юрисдикцией над «ученым сословием» и студентами. В гражданских делах университет разбирал все тяжбы и иски студентов, за исключением дел о недвижимом имуществе (гл. XIV); в уголовных делах он сам производил следствия, приглашая двух профессоров права (гл. XIV, § 151). Избранный из числа профессоров ученый-законовед, называвшийся синдиком (гл. I, § 26), контролировал правильность осуществления процедуры судебных разбирательств (гл. XIV, § 147, 152). При нарушениях дисциплинарного характера университет сам имел право налагать на виновного взыскания. Так, ректор мог приговорить студента к трехдневному заключению в карцер (гл. XIV, § 148.2), правление – к четырнадцатидневному (гл. XIV, § 154.2). Совет университета, представлявший высшую и последнюю судебную инстанцию, мог принять решение об исключении виновного из университета (гл. VI, § 54. 6; гл. XIV, § 156).

По уставу 1804 г. университеты были наделены большой административной властью, которая простиралась за пределы этих высших учебных заведений. При университетах учреждались гимназии для казеннокоштных учащихся недворянского происхождения и «благородные пансионы» для детей дворян (гл. I, § 9), управление которыми было возложено на инспектора, избиравшегося советом из числа ординарных профессоров (гл. XI, § 115). Кроме того, устав ставил университет во главе учебного округа и поручал ему руководство и надзор за работой всех начальных и средних учебных заведений, находившихся на вверенных ему территориях (гл. II, § 17; гл. III, § 33; гл. VI, § 49–53; 54. 1, 2; гл. XV). Для осуществления этих функций при университете создавался специальный Училищный комитет из шести профессоров под председательством ректора (гл. XV, § 165). Училищный комитет превращался в центр подготовки преподавательских сил в том или ином учебном округе. Управление в нем осуществлял назначавшийся императором попечитель (гл. XIV, § 168).

Между приходскими, уездными училищами и гимназиями, а также университетами устанавливалась преемственность, которая позволяла не только корректировать программу обучения в школах низшего и среднего звена, «подгоняя» ее к университетским требованиям, но и ежегодно пополнять коллектив студентов выпускниками подведомственных университетам гимназий.

Таким образом, кроме исполнения своей прямой обязанности – «преподавания наук» для юношества, готовившегося к поступлению на государственную службу, университеты получили по уставу и другие возможности широкого просветительского воздействия на общество. Как учебно-административные центры университеты направляли весь ход образовательной жизни подчиненного им учебного округа. Приобретя права цензуры (гл. I, § 8) на всю печатную продукцию университета и учебных заведений округа, университеты оказались в центре литературной и просветительской деятельности многих губерний России. Устав позволял университетам также создавать «ученые общества» (гл. I, § 11), удостоивать звания почетных членов наиболее прославленных ученых, вводя их в свои советы, создавая благоприятные условия для их сотрудничества с зарубежными коллегами, учреждая надбавку к пенсии размером двести рублей в год (гл. XV, § 40–46). Университетам также было предоставлено право проводить испытания для присвоения ученых степеней и званий (гл. IX).

Устав 1804 г. отводил достойное место организации учебного процесса в университетах. Согласно уставу университеты имели четыре отделения, или факультета (гл. III, § 24): нравственных и политических наук (подразделенных на кафедры богословия, церковной истории, философии, политэкономии, «дипломатики», правоведения); физических и математических наук (где преподавались такие предметы, как математика, астрономия, физика, химия, минералогия, ботаника, агрономия, технологии торговой и фабричной деятельности); врачебных или медицинских наук (включавших анатомию, физиологию, судебную медицину, врачебное дело – терапию и хирургию, фармакологию, ветеринарию) и словесных наук (представленных красноречием, классической и современной филологией, российской и всеобщей историей, археологией, статистикой, географией, теорией изящных искусств).

Состав кафедр [15] на одних и тех же факультетах университетов России не был одинаковым.

В уставах Харьковского и Казанского университетов не было теории искусств и археологии, входивших в учебный план факультета словесных наук Московского университета. Вместе с тем в состав физико-математического факультета Харьковского университета была введена – по требованию местного дворянства – кафедра военных наук, а в Казанском университете по настоянию попечителя Разумовского, увлекавшегося астрономией, была учреждена кафедра теоретической астрономии [16].

Университетские кафедры были ординарными, так как многие отрасли знания еще не были разделены между имевшими самостоятельный статус науками. По уставу 1804 г. преподаванию всей химии была отведена только одна кафедра; минералогия совмещалась с астрономией; только один профессор предназначался для преподавания анатомии, физиологии и судебной медицины, один – для изучения красноречия и теории стихосложения, один – для ознакомления студентов со всеми восточными языками, один – для исследования права, а также гражданского и уголовного судопроизводства. Кроме того, обучение истории соединяли с географией и статистикой, а к политической экономии присоединяли «дипломатику» [17].

Для того чтобы профессор справлялся с предложенной ему нагрузкой, в университетский штат набирали адъюнктов – двенадцать человек на все факультеты. Четверо из них, по одному на факультет, считались старшими – они вместе с почетным титулом экстраординарного профессора получали еще и надбавку к жалованью (гл. III, § 24; гл. IV, § 39).

В соответствии с уставом университет определялся как «вышнее ученое [или академическое. – М. Н., Т. П.] сословие, для преподавания наук учрежденное» (гл. I, § 1). Его предназначение заключалось в «приготовлении юношества для вступления в различные звания государственной службы» (гл. I, § 1). «Академическое сословие» (гл. I, § 3) представляло собой сообщество преподавателей: ординарных и экстраординарных профессоров, адъюнктов, магистров, «учителей языков, приятных искусств (то есть рисования, танцев [18]) и гимнастических упражнений», которым поручалось излагать «университетские наставления» студентам.

Главные обязанности профессоров состояли в том, чтобы «преподавать курсы лучшим и понятнейшим образом», соединять теорию с практикой, пополнять свои лекции «новыми открытия-

ми, учиненными в других странах Европы...» (гл. III, § 28). Устав рекомендовал профессорам (особенно словесных, философских и юридических наук), помимо лекций, устраивать со студентами беседы, в ходе которых они исправляли бы «образ выражения [суждений. – М. Н., Т. П.] и приучали бы их основательно и свободно изъяснять свои мысли», желательно на латинском языке (гл. XI, § 122). Для организации занятий устав предлагал преподавателям использовать учебные пособия, фонды библиотеки, кабинеты, лаборатории (гл. I, § 7; гл. III, § 33), а для повышения заинтересованности в результатах учебной деятельности рекомендовал награждать отличившихся трудолюбием адъюнктов прибавкой к жалованью и ускоренным продвижением по служебной лестнице (гл. IV, § 39).

Устав предоставлял профессорам право при чтении лекций руководствоваться своими собственными сочинениями или трудами других авторитетных ученых, утвержденных советом университета (гл. III, § 29). Профессор мог пользоваться в своей работе всеми книгами, имевшимися в университетской библиотеке, и даже признанными цензурой «вредными» [19] (гл. VIII, § 82).

Отпуск преподавателей определялся сроками, отведенными для студенческих каникул; он продолжался с тридцатого июня до семнадцатого августа и с двадцать четвертого декабря по восьмое января (гл. VI, § 67). Вопрос об увольнении профессором рассматривался советом университета (гл. VI, § 68). При недоборе студентов на какое-либо отделение ректор имел право возложить на профессора, свободного от чтения лекций, обязанности инспектирования училищ, входивших в университетский учебный округ (гл. III, § 33).

В академическое сословие, помимо профессоров, адъюнктов, магистров, а также учителей языков, гимнастических упражнений и «приятных искусств», входили студенты.

При приеме в университет устав не декларировал никаких ограничений и привилегий по словесному признаку. Единственным требованием устава к абитуриенту было наличие у него определенного уровня знаний, о чем свидетельствует параграф 109 десятой главы: «Никто не может быть принят в университет студентом, не имея нужных познаний для слушания курсов, в университете преподаваемых». Обучение для студентов всех сословий было бесплатным (лишь учителя «языков, приятных искусств и гимнасти-

ческих упражнений» могли рассчитывать на денежное вознаграждение от своекоштных студентов, если совет университета принимал соответствующее решение (гл. IX, § 123). В уставе даже подчеркивалось, что университет обеспечивает преимущества «студентам, иждивением университета содержимым... когда они имеют все нужные знания к слушанию профессорских наставлений» (гл. XI, § 117). Согласно уставу, студенты по всем важным вопросам своей жизни должны были обращаться в правление университета. При приеме в университет правление рассматривало свидетельство об успехах, достигнутых юношей в гимназии или ином учебном заведении (гл. X, § 110), а если юноша обучался у домашних учителей, оно назначало комитет для испытания его знаний (гл. X, § 110, 111). Правление определяло студенту программу обучения с указанием предметов учебного цикла и профессоров, проводивших занятия, а по окончании обучения – при желании студента – создавало комиссию из профессоров и декана соответствующего факультета для проведения экзамена на получение выпускником университета диплома кандидата, присваивая ему эту ученую степень (гл. IX, § 99; гл. X, § 114; гл. XI, § 120). Студент, не подвергшийся испытанию, пройдя курс обучения, получал от правления аттестат о прослушанных предметах и свидетельство о своем поведении в университете (гл. X, § 113).

Излагая общие правила студенческой дисциплины, устав не входил в подробную регламентацию внешнего облика и нравственной жизни студентов. Студенты, за исключением казеннокоштных, жили на съемных квартирах, ходили в партикулярном платье. За их поведением следил особый инспектор, избиравшийся советом из числа ординарных профессоров (гл. XI, § 115).

Студенты, согласно уставу, делились на «своекоштных», то есть находившихся на своем иждивении, и «казеннокоштных», или неимущих, которым определялось содержание от университета (гл. X, XI). Ограниченный бюджет университетов ставил пределы их стремлению расширять до бесконечности количество студентов, не способных оплачивать свое пребывание в университетском городе и удовлетворять основные студенческие потребности. Поэтому даже в Московском университете число «казенных» студентов на всех отделениях не превышало сорока человек [20]. По окончании обучения они были обязаны проработать шесть лет на государственной службе в любом назначенном им Министерством на-

родного просвещения регионе. «Казенные» студенты-медики почти поголовно направлялись на военную службу, выпускники трех других факультетов – физико-математического, нравственно-политического и словесного – служили учителями в училищах и гимназиях. Большинство же своекоштных становились чиновниками присутственных мест царской России [21].

Обучение в университете по уставу продолжалось три года (на медицинском факультете – четыре года) (гл. XI, § 120). Экзамены проводились один раз в год, в июне (гл. XI, § 118). Если во время академических испытаний, или экзаменов, студент не показывал «таких успехов, чтобы можно было перевести его выше», ему грозило повторное обучение на том же курсе, то есть в университетах были второгодники (гл. XI, § 119).

Устав предусматривал наличие в университете библиотеки, физического кабинета, астрономической обсерватории, химической лаборатории, кабинета повивального искусства (гл. I, § 37; гл. VIII).

Университету предписывалось иметь собственную типографию с тем, чтобы издавать книги, относившиеся к «преподаваемым в университете наукам и всему, что способствовало бы распространению наук» (гл. I, § 8; гл. XVI, § 179). Для рассмотрения содержания книг, поступающих в типографию от частных лиц, при университете создавался цензурный комитет, состоявший из деканов факультетов (гл. XVI, § 187).

В целом, оценивая «общий» университетский устав 1804 г., еще раз подчеркнем его основные достоинства. Он предоставлял университетам значительную автономию: выборность ректора, проректора, деканов, профессоров; позволял создавать собственные органы управления, исполнительной и судебной власти, не зависящие от государственной администрации. Кроме того, устав провозглашал всесословность университетского образования (гл. X, § 112) и его доступность широким слоям общества, так как он предусматривал бесплатность получения образовательных услуг.

По сравнению с попытками других либеральных преобразований, осуществлявшихся в годы царствования Александра I, именно реформы университетов и системы народного образования зашли дальше всех, имели наиболее прогрессивный характер и глубокие последствия. Специалисты по истории высшего образования усматривают причины этих успехов в относительной легкости проведения данных реформ, так как они на-

прямую не затрагивали основ крепостного строя и российской бюрократической системы [22].

Вместе с тем создание «университетской республики» породило конфликт с основными принципами существования самодержавной Российской империи, веками оттачивавшимися правилами всеобъемлющего государственного контроля и регулирования. Так, устав разрешил оказывать влияние на университетский уклад жизни попечителю (гл. I, § 5; гл. II, § 15, 17; гл. IV, § 39; гл. VI, § 66, 70 и др.), «непременному заседателю» (гл. XIII, § 134, 135), министру народного просвещения (гл. II, § 15; гл. IV, § 39; гл. VI, § 56, 61, 70 и др.). Ни одно сколько-нибудь значимое событие, будь то назначение профессоров (гл. III, § 26) и деканов (гл. III, § 27), выборы ректора (гл. II, § 13), определение последовательности чтения лекционных курсов и уточнение учебных программ (гл. VI, § 66), не получали законной силы без утверждения попечителя университета, а иногда и министра народного просвещения. Должность ректора требовала даже санкционирования самого императора (гл. II, § 13). В уставе трудно было провести границу между «благожелательной опекой» со стороны чиновников, олицетворявших государство, и их произвольным вмешательством во внутренний распорядок университетов. Слишком много определялось личностным фактором: пристрастиями, политической ориентацией, подобострастными наклонностями представителей бюрократического аппарата империи, курировавших высшее образование.

Сама идейная основа устава 1804 г. оказалась противоречивой, так как император пытался совместить свои республиканские мечтания, образцами которых служили западноевропейские общественные институты, с реальной практикой российского государственного регулирования [24], где бездумное исполнительство, бюрократический произвол и вседозволенность власть предержащих шли вразрез с национальными интересами. Они разрушали попытки обновления обветшалых или устаревших образовательных парадигм, препятствуя распространению важных образовательных новаций, порожденных вольнолюбивой атмосферой века Просвещения.

В результате либеральные замыслы Александра I на практике оказались трудновыполнимыми. Уже в начале второго десятилетия XIX в. слабая «университетская республика», не получившая обещанной поддержки императора, убеждения которого по окончании наполеоновских войн претерпели серьезные изменения [24], на-

чала клониться к упадку, не в силах противодействовать давлению сверху.

Примечания

1. Старейшим из ныне действующих университетов Европы считается университет в итальянском городе Болонья, основанный в 1088 г. Однако мы считаем необходимым отметить, что первые европейские высшие учебные заведения возникли еще в период Римской Империи в I в. н. э., их история насчитывает около 500 лет. (Подробнее см.: Перфилова, Т. Б. Высшее образование в Римской Империи: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2005.)

2. Развитие теоретико-методологических основ исторической науки и исторического образования в России в конце XIX – начале XX в. : коллективная монография / под науч. ред. д-ра ист. наук, проф. М. В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – 440 с.

3. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Становление университетского образования в России // Ярославский педагогический вестник. Т. 1. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4. – С. 7–19.

4. Некоторые исследователи доказывают преемственность Академического и Петербургского университетов, полагая, что в идеях, задачах, просветительских принципах, арсенале учебно-воспитательных средств ярко прослеживается связь между петровско-ломоносовским университетом и возникшими позже, но на его фундаменте учительской семинарией (1783), педагогическим институтом (1804), Главным педагогическим институтом (1816) и Петербургским университетом. См.: Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX в. – Л., 1988. – С. 25, 217–225.

5. История Ленинградского университета. Очерки. – Л., 1969. – С. 12; История России XIX – начала XX в. / под ред. В. А. Фёдорова. – 3-е изд. – М., 2002. – С. 21.

6. Высшее образование в России: Очерки истории до 1917 года / под ред. В. Г. Кинелева. – М., 1995. – С. 64.

7. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. – СПб., 1902. – С. 56.

8. Глинский Б. Б. Университетские уставы (1755–1884 гг.) // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. – Т. LXXIX. – СПб., 1900. – № 1. – С. 336.

9. Ляхович Е. С., Рёвушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. – Томск, 1998. – С. 96, 97.

10. Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурой жизни России начала XIX века. – М., 2000. – С. 8, 40.

11. Университетский устав 5 ноября 1804 года // Соловьёв И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – Выпуск первый: Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – С. 23–36. (Устав состоит из шестнадцати глав и ста восьмидесяти семи параграфов. В скобках сделаны ссылки на указанное издание.)

12. По реформе народного образования 1803–1804 гг. в России создавалось шесть учебных округов, в которых управление всем учебным процессом передавалось университетам. См.: История России XIX – начала XIX в. / под ред. В. А. Федорова. – 3-е изд. – М., 2002. – С. 24.

13. Ляхович Е. С., Рёвушкин А. С. Указ. соч. – С. 98.

14. История Московского университета: в 2 т. / под ред. М. Н. Тихомирова. – М., 1955. – Т. 1. – С. 98.

15. Кафедр в современном понимании этого слова в XVIII–XIX вв. не существовало. Под кафедрой понимали предмет или группу предметов, читавшихся одним профессором. См.: История Московского университета. – С. 80.

16. Рождественский С. В. Указ. соч. – С. 57, 58.

17. Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863. – С. 62.

18. История Московского университета. – С. 81.

19. В уставе сказано: «Те книги, кои [цензура. – М. Н., Т. П.] считает соблазнительными и вредными, она должна отметить в каталогах и на заглавных листах, и никому, кроме профессоров, адъюнктов, читать их не позволяется» (гл. VIII, § 82).

20. История Московского университета. – С. 80.

21. Там же.

22. См.: Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурой жизни России начала XIX века. – М., 2000. – С. 59.

23. Там же. – С. 139, 140.

24. Рождественский С. В. Указ. соч. – С. 105.